

БИОЭТИКА КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2011 В.И. Харитонов, Ю.М. Хрусталёв

В.И. Харитонов беседует с Ю.М. Хрусталёвым

ХРУСТАЛЁВ Юрий Михайлович – Заслуженный работник высшей школы России, кандидат философских наук (1971), доктор философских наук (1991), профессор (1992); заведующий кафедрой философии и политологии Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова. В Российском философском обществе (РФО) возглавляет научную и практическую работу по пропаганде здорового образа жизни. Ю.М. Хрусталёв автор многочисленных учебников и учебных пособий по философии, политологии, философским проблемам науки и медицины, а также биоэтике, в том числе: «От этики до биоэтики» (2010), «Биоэтика» (2011). Он внёс значительный вклад в

разработку и становление модульного учебного курса философии и специального курса по философии медицины в высших и средних медицинских и фармацевтических учебных заведениях страны, участвовал в создании социально-гуманитарной учебной дисциплины для студентов-медиков «Биомедицинская этика».

Ключевые слова: биоэтика, биомедицинская этика, этика, мораль, нравственность, закон, разум, совесть, вера, антропология, медицинская антропология, медицина

Аннотация: В разговоре были обсуждены проблемы появления и формирования биоэтики и медицинской этики в российской науке и педагогической практике; особенности преподавания соответствующих курсов в медицинских вузах; проблема зависимости чтения курса от религиозности лектора и его установок в отношении религии и идеологии и т.д. Главный тезис Ю.М. Хрусталёва: «человек должен идти от разума в решение любой проблемы, но – под контролем совести», – позволяет ему – известному ученому и педагогу – сбалансировано пре-

подавать идеологические дисциплины и много лет руководить сложной по своему составу кафедрой. Ю.М. Хрусталеv – ученый, участвовавший в формировании биоэтики как научного направления (автор ряда книг и учебников) в СССР и РФ, подробно рассказал о «расстановке сил» в сфере биоэтики в научных и образовательных кругах, об особенностях формирования и работы этических комитетов и многом другом.

В.Х.: Юрий Михайлович, мне бы хотелось поговорить с Вами сегодня о том, каким образом биоэтика как научное знание и учебная дисциплина предлагается для изучения студентам Первого Медицинского университета¹. Насколько я понимаю, преподавание такого предмета весьма актуально в нашей стране.

Ю.Х.: Сейчас речь идёт о том, что вот эта принципиально новая дисциплина «Биоэтика» должна активно внедряться в сознание специалистов. Мы говорим о студентах – будущих специалистах. Я расскажу Вам, как мы преподаём биоэтику, но сначала посмотрите написанное здесь – первый абзац только прочитайте. Пишет студентка второго курса, текст будет хорошей иллюстрацией к нашему разговору. Это реакция студентов на первые занятия по биоэтике:

«Нужна ли нам биоэтика?»

Ещё в начале семестра передо мной встал вопрос: для чего в курс введен этот предмет, ведь всё, обсуждаемое на семинарах, полемично, и вывод по каждой проблеме по смыслу одинаков: “стоит действовать по обстоятельствам”, “это процесс творческий”, “нужно следовать интуиции”. Зачастую мы обсуждаем проблемы, скорее, нравственные, для которых нет универсального решения, и каждый человек должен решить их для себя, создать подробный план, которому нужно следовать в той или иной ситуации. Точно также невозможно подготовить будущего врача к любой сложной этической ситуации, которая может встретиться в его практике, потому что комбинаций будет существовать бесчисленное множество».

В.Х.: Да, замечательный эпиграф к нашему разговору. Но это высказывание – реакция на мировоззренческий аспект биоэтики. В связи с чем возникает вопрос: успела ли биоэтика оформиться как научная дисциплина, а также каким образом и сколь долго преподаётся курс «Биоэтика» в наших вузах?

Ю.Х.: В начале разговора я хотел бы сказать, что биоэтику преподают во всех медицинских вузах уже лет пятнадцать, если не больше. В других вузах – а её надо везде преподавать – её же включают в курсы «Концепции современного естествознания».

В.Х.: Юрий Михайлович, а в медицинских вузах в настоящее время преподаётся именно «Биоэтика» или тот курс, который лучше было бы обозначить как «Биомедицинская этика»?

Ю.Х.: Биомедицинская этика – это разновидность биоэтики. Биомедицинская этика имеет прямое отношение к новейшим проблемам современной медицины и другим острым проблемам.

Я хочу сказать, что в условиях распространения мегатехнологий (а это нано-, инфо-, био-, когнитивные технологии), в этих условиях радикально обновились моральные нормы. В связи с этим в медицине появилась потребность создания, так сказать, современного морального кодекса, который должен утверждаться биомедицинской этикой. Прежние этические парадигмы оказались не в состоянии разрешать возникшие сегодня проблемы сбережения жизни. А это значит: перед нами стоит задача обновления деонтологии (традиционной медицинской этики) и создания этики борьбы со смертью, этики сохранения жизни, а она должна опираться на разум и совесть медиков. Это мы должны в первую очередь донести до наших студентов.

Но Вы правильно задали вопрос: мы предлагаем студентам не только медицинскую этику – биомедицинскую этику, мы работаем более широко: преподаём биоэтику как часть философии.

В.Х.: Как соотносится одно с другим?

Ю.Х.: Начнём с этики. Традиционная этика была и остаётся отраслью философии; биомедицинская этика считается составной частью биоэтики, которая применяется в медицинской и научной практике. Биомедицинская этика рассматривает нравственные проблемы; они выходят за рамки традиционной медицинской этики. В её проблемном поле – философское осмысление таких непростых вопросов, как сбережение здоровья людей, проведение аборт, клонирование, суицид, эвтаназия, психические нормы в патологии и так далее. Но биомедицинская этика рассматривает ещё и проблемы социально-культурного бытия.

Сегодня возрастает роль биомедицинской этики как новой идеологической парадигмы медиков. Это происходит потому, что на первый план выдвигаются права граждан, особенно если они подвергаются испытаниям при изучении живой природы. Чем дальше, тем больше новые возможности медицины и медико-экспериментальной науки ставят перед специалистами и общественностью всё более острые морально-правовые вопросы.

Вот почему мы говорим и о биоэтике – науке о сбережении жизни. Это свидетельствует о складывающемся принципиально ином подходе в системе здравоохране-

ния к человеческой личности, уважению её прав и достоинства в любой ситуации. Биоэтика – это дисциплина комплексная, она находится на стыке философии, науки, биологии, медицины. Биоэтика, как я уже сказал, – это учение о сбережении естественной жизни на Земле. А биомедицинская этика – это её прикладная часть. Она связана с проблемами биомедицины и нравственных принципов поведения медицинских работников в научном и клиническом деле в нынешней обновляющейся системе здравоохранения.

В.Х.: Извините, Юрий Михайлович, дополнительный вопрос в связи с этим курсом: как в медуниверситетах преподают медицинскую антропологию? Насколько я знаю, она предлагается будущим медикам в разделе физической антропологии, то есть как медицинские аспекты физической антропологии. Но в западных университетах «Медицинская антропология» представляет собой очень широкую дисциплинарную сферу, во многом пересекающуюся с «Биоэтикой». Она распространяется там как дисциплина и научное направление на социальную и культурную области жизни. В наших медицинских вузах предусмотрен такой курс «Медицинской антропологии»?

Ю.Х.: Нет, я этого не знаю, но я готов выяснить этот вопрос прямо сейчас. На какой кафедре это может быть – биологии, физиологии?

В.Х.: Скорее всего, биологии, поскольку по ВАКовской классификации специальностей она входит в систему биологических наук.

Ю.Х.: *(звонок в учебную часть)* У нас есть как предмет «Медицинская антропология»? Где и кто преподаёт? А-а-а, на кафедре у Сапина²? И сколько у него часов? 34. У социологов тоже изучают? А курс называется – просто «Антропология»? Не медицинская?

Так вот, это сведения из учебного отдела. Никакой «медицинской» у нас нет, есть просто «Антропология». Начинается она на кафедре анатомии человека (это лечебный факультет), 34 часа. Преподают её также на кафедре социологии – 60 часов; на кафедре психологии – 40 часов. Слово «медицинская» нигде не было и нет. Даже – в анатомии. Преподаётся просто «Антропология».

А что такое антропология? Вот, например, в XVI веке появилась книга с названием: «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека, об элементах, частях и членах человеческого тела»; она вышла в Лейпциге в 1501 году, её автор – М. Хундт³. А в 1533 году – ещё одна книга появилась, похожая, автор Г. Каппел⁴: «Антропология, или рассуждение о человеческой природе». Вот, собственно, антропология уже в XVI веке – это учение или наука о человеке, которая с момента своего возникновения опирается на естественнонаучные исследования, то есть

она никогда не рассматривалась только как медицинская. «Медицинская...» – сама по себе предполагает акцию вмешательства. Там два плана: диагноз и лечение. У нас преподаётся просто «Антропология».

В.Х.: Спасибо за уточнение. Однако, Юрий Михайлович, я не могу окончательно согласиться с Вами, поскольку первое использование термина восходит к античности, к Аристотелю, что Вам хорошо известно. А Аристотель употребил его для обозначения области знания, изучающей преимущественно духовную сторону человеческой природы. Кстати, в этом значении термин, параллельно актуализированному в средние века своему, так сказать, омониму (в значении физической антропологии), не просто сохранялся в научном обороте на протяжении тысячелетий, но он используется так и в наши дни во многих гуманитарных науках, в психологии, в теологии, и в философии в том числе. С этой терминологической линией связано представление о медицинской антропологии не в физиологическом (биологическом), а в социо-культурном прочтении термина. Именно в таком ракурсе занимаемся медицинской антропологией мы, в том числе на страницах журнала, для которого предназначено это интервью.

Но давайте вернёмся к биоэтике. В настоящее время в научных кругах есть такое мнение, будто западные ученые активно развивают биоэтику, а мы – как часто случалось – идём вслед за ними, обратившись к тем же проблемам много лет спустя после их появления...

Ю.Х.: Нет-нет, мы пока впереди. Они у нас многое берут. Они, между прочим, и наши труды переводят.

У нас есть кафедра биоэтики⁵ специальная во втором медуниверситете⁶, есть кафедра философии с биоэтикой⁷ в третьем меде⁸, и у нас здесь биоэтика идёт вместе с философией⁹...

Кстати, сейчас лежит бумага у министра, где предложено рассматривать биоэтику как составную часть философии. Это пишется даже так: «Философия. Биоэтика». Биоэтика входит в философию.

Между прочим, на важности философского осмысления этических проблем в медицине обращал внимание ещё наш известный писатель, профессиональный врач Вересаев¹⁰, вот давайте процитируем его:

«Как это ни печально, но нужно сознаться, что у нашей науки (медицинской) до сих пор нет настоящей этик. Нельзя же разуметь под нею ту специально-корпоративную этику, которая занимается лишь только нормировкою непосредственных отношений врачей к публике и врачей между собой. Необходима этика в широком, философском смысле... Узкие вопросы врачебной практики,

прежде всего, должны решаться именно с философской точки зрения – и только в этом случае мы сумеем создать настоящую медицинскую этику»¹¹.

Это было написано в начале прошлого века. А вот сейчас мысль В.В. Вересаева о создании медико-философской этики постепенно воплощается в жизнь. И это меняет лицо медицины и как науки, и как практики.

Биоэтика рассматривается не только как наука, не только как философия, но и как мировоззрение (и политическое, и социально-экономическое). Сейчас речь идёт о том, что если 2300 лет назад Аристотель говорил: «Человек – смертен, но человечество бессмертно», – то сегодня человечество – смертно. И не через миллионы лет, а – завтра! Те катаклизмы, которые сейчас происходят там и сям, ставят вопрос о том, что мы дошли до ручки, как говорится. Речь сегодня идёт – о выживании человечества! Здоровье в этом контексте имеет промежуточный характер. Я сошлюсь на Иммануила Канта, который говорил: «Здоровье – это не цель, это средство, чтобы человек мог стать человеком».

Вот Вы говорите: «Медицинская антропология», – а для меня это звучит немного странно, хотя как таковой мы этот термин употребляем. Но дело вот в чём. Человек не рождается человеком. Родится только организм человеческий. И если организм не включить в социальную среду (а этот организм и есть «антропология – медицинская»), если до пяти лет не сделать этого, то он останется самым примитивным животным. Поэтому у нас антропология рассматривается как интегрированная система изучения человека со всех сторон.

А биоэтика у нас рассматривается как вынужденное явление, которое появилось сразу после экологии. Экология это (в переводе на русский язык) – «Караул! Гибнем! Крыша течёт, стены рушатся, подмыло фундамент...». Но это всё равно – эко, это всё-таки «дом». Дом-то домом, но есть нечто, что в доме: в доме – человек. И вот этот человек зависим от социальной среды...

В.Х.: Давайте уточним, кто ввёл понятие биоэтика?

Ю.Х.: Биоэтику придумали не мы, её придумали в Америке. Вначале была этика. Что такое этика?

Этика в прошлом – это наука о морали и нравственности; это обеспечение нормальной жизни людей, которые должны вести себя в отношении к другим, как к себе подобным. Это наука, которая требует: если хочешь жить с людьми, то будь добр – подчиняйся установившимся традициям, правилам, нормам и так далее.

Биоэтика же пошла дальше; она дошла до того, что мы теперь должны гуманно относиться ко всему, что на земле живёт и шевелится. Ко всему! Это не просто

уже – наша среда; это та среда, вне которой мы жить не можем. Всё связано с техническим прогрессом, с техногенной эпохой. Мы из Земли исчерпали всё, и Земля, простите за это слово, стала огрызаться – Япония...

Поэтому биоэтика сейчас – это формирование нового мировоззрения людей, которые должны понимать: мы или – вместе с Природой, или – ни нас, ни её...

Академик Никита Николаевич Моисеев¹² говорил: «Ко-эволюция»! Всё должно совместно развиваться: не просто Природа и Человек, а Природа с Человеческим Разумом!

Мы в своей научно-творческой деятельности слишком много творили. Поэтому, если вспоминать Бога – он мир сотворил и человека по образу и подобию праотца, а мы – натворили. Натворили и испугались. Экология – это наш испуг, а биоэтика – это мы приходим в себя и говорим: «Ещё не всё потеряно! У нас есть Разум; скорее всего, есть и совесть; а раз так, то мы должны сейчас сделать всё, чтобы с Природой быть на равных. Не заигрывать и не подыгрывать, а жить вместе».

Когда мы говорили о человеке, о его антропологии – то раньше тут были такие слова, как «антропоцентризм» – в центре. Но мы говорим о человеке, который часть природы и разум природы. Нет другого разума; природа познаёт самое себя только через разум человеческий (разум – это совокупный ум). Поэтому, когда мы говорим об антропологии медицинской, то, скорее всего, она у нас рассматривается как анатомия. Следующий уровень – физиология. А дальше – психология, учение о душе (это всё тоже естественные науки), а ещё дальше – уже идёт философия...

В.Х.: А собственно «Биоэтика»? Как появился этот предмет?

Ю.Х.: Биоэтика возникла в середине XX века, если точнее – в 69-ом году, автор – некто Ван Поттер¹³ – журналист, онколог, крупный учёный (сейчас его уже нет). Идея появилась в силу того, что в мире сформировались проблемы, которые стали угрожать человечеству в целом. И отсюда возникает сначала учение – биоэтика. Поттер его определял как мост наведения связей между естествознанием и гуманитарными науками. Человек оказался разорванным между биологией и между духовной жизнью. А биоэтика – это наука, которая должна связать эти два направления.

Сегодня мы в этом плане пошли дальше. Под биоэтикой мы понимаем уже не только науку, это и мировоззрение, философское мировоззрение, где стоит вопрос о том, чтобы воссоединить два момента: знания, разум человека с его совестью. Ибо в своём научно-техническом прогрессе человек ушёл далеко. Смотрите,

что произошло в Японии... А ведь мы обречены на получении атомной энергии, пока другой ниоткуда не возьмёшь.

Но то, что случилось, заставляет нас объединить разум с совестью. Однако совесть – это моя личная принадлежность. Поэтому сегодня биоэтика – это апелляция к разуму и совести каждого отдельного специалиста, особенно ученого и врача, медика.

Сегодня мы уже понимаем – если и надо творить, то не спеша, потому что это больно сказывается на сегодняшнем и завтрашнем поколениях. Но как быть? Генномодифицированные продукты. Можем мы от них отказаться? Нет. На Земле около 7 миллиардов человек скоро будет. Понятно, что и в энергетике, и в технологиях стоит вопрос обеспечения безопасности. Речь идёт о том, что сегодня техника и технология уходят из-под контроля человека. И как бы мы ни говорили, что держим всё под контролем – это очень сомнительно. Потому задача этой науки, этой философии (биоэтики) – дойти до ума каждого, чтобы тот понимал: я в ответе! Я, и только я – в ответе! Потому биоэтика – это не то, чтобы синтетическая наука, это – апелляция к разуму и совести (вот это – вместе) человека.

(Разговор прерывает пришедшая коллега, которая занимается вопросами молекулярной медицины.)

Вот: молекулярная медицина! Это – самое опасное! Но молекулярная биология – это будущее человечества. Это означает, что медицина, наконец, освободится от своего главного порока – перестанет заниматься болезнями, а будет заниматься здоровьем. Молекулярная биология изначально уберёт все мои врождённые недостатки и меня изначально сделает здоровым.

Они пока клонированием не занимаются, им запрещено заниматься стволовыми клетками. Они – на правильном пути: надо человека изнутри посмотреть. Мы – не здоровые. Но тут – опять же, важно, чтобы апелляция была к разуму и совести!

В.Х.: Юрий Михайлович, я поняла Ваш главный тезис: человек должен идти от разума в решение любой проблемы, но – под контролем совести. Кстати, я обнаружила ещё один интересный момент на эту тему в эссе Вашей студентки, которая пишет:

«Поэтому, главной задачей этого предмета я вижу, скорее, моральную подготовку будущего специалиста к встрече с проблемой. Чем раньше человек задумается, чем раньше построит для себя нравственные ограничения (если он не сделал этого ранее), тем правильнее это будет. Стоит заметить, что именно правильнее, а не проще. Жить по совести всегда тяжело, если с ней не договариваться».

Но давайте вернёмся ещё раз к моменту появления биоэтики в нашей стране.

Ю.Х.: Я уже сказал, что в 1969-ом году она появилась на Западе. Как только она у них зародилась – мы сразу же ей заинтересовались. «Мы» – это имеется в виду медицинская сфера от Академии наук, РАМН. В меньшей степени, может быть, Министерство. Но в любом случае у нас перевели Поттера на русский язык и медленно, постепенно начали внедрять биоэтику.

В.Х.: Значит, интерес к биоэтике появился ещё в Советском Союзе?

Ю.Х.: Да, в Советском Союзе. Стали внедрять добровольно...

В.Х.: Как развивалась биоэтика у нас?

Ю.Х.: Как обычно. Сначала были пионеры – в Новосибирске, в Волгограде, у нас здесь в университете, во втором медицинском...

В.Х.: А кто именно был первым?

Ю.Х.: Могу два имени назвать. Они и сейчас активно действуют. Это Седова Наталья Николаевна, Волгоград (Заслуженный деятель науки). Слышали о такой?

В.Х.: Конечно. Она – член Экспертного совета нашего журнала.

Ю.Х.: Вот она была и есть председатель Диссертационного совета, у них защищаются диссертации. А во втором меде заведующая кафедрой и защищалась по биоэтике (я у неё был оппонентом) – Силуянова Ирина Васильевна. В третьем меде – Моисеев Вячеслав Иванович зав. кафедрой; у них кафедра называется «философии и биоэтики», существует с незапамятных времён...

У нас кафедра организовывалась по-другому. Яровинский¹⁴ был такой у нас, он дружил с Поттером. Тут биоэтику преподавали сначала на четвёртом и пятом курсах. Но потом «подняли восстание» студенты, потому что она имела прикладной и несколько обидный характер: её начали преподавать не в том ключе, как я сейчас (от этики к биоэтике – уважай, береги, цени всё живое); они начали упёрто навязывать что-то. Как, кстати, сейчас во втором меде преподают: аборт делать нельзя, клонировать – нельзя, эвтаназию – нельзя... Ну, нужно перечислить в столбик и сказать: нельзя – ай-яй-яй! Но это же – другая проблема.

Вот в этике – даже в деонтологии – там требование жёсткое: что можно, что нельзя; это – плохо, это – хорошо; хорошо – надо, плохо – не надо. В биоэтике – не так. Тут – обращение к совести. В биоэтике – это открытые вопросы. Они есть, а ответа на них нет. Не буду углубляться: те же абортываются медицинские, социальные – да мало ли какие? Это вопросы, на которые нельзя однозначно дать ответ.

Или, например, эвтаназия. Я никому делать не буду, но я лично хотел бы, чтобы ко мне отнеслись по-человечески, не мучили, как некоторых... Это всё на совести у двух человек: у врача и пациента (если он дееспособен) – решайте! Тут – разум и совесть выходят на первое место, это открытые вопросы. Их надо иметь в виду.

Биоэтика связана с моралью, но она связана и с правом. Ну, например, эвтаназия недопустима у нас – это законодательно запрещено, а в Австралии – можно. Есть Закон; есть морально-правовые проблемы (мораль – совесть, право – закон).

В.Х.: Скажите, как долго студент изучает биоэтику у нас в стране, и во всех ли вузах это возможно?

Ю.Х.: На сегодня могу сказать: во всех вузах страны (медицинских) биоэтика преподаётся, это 36 часов. Что касается всех других вузов – она, как я говорил уже, тоже преподаётся: есть предмет, который введён (тоже не так давно) – КСЕ, «Концепции современного естествознания». Одной из таких концепций является биоэтика. Она идёт от механики, химии, математики и так далее – опирается в био- и этику.

Мы не можем сказать, что наши специалисты, выйдя из вузов, несведущи в биоэтике. Только по недосмотру или по недоразумению, разве что. Биоэтика сегодня – это мировоззренческая часть, которая предполагает определенный уровень компетентности специалистов любых направлений. Но – в медицине в первую очередь, любой специалист, какой бы направленности он не был, должен быть знаком с этим предметом.

В.Х.: Юрий Михайлович, скажите, пожалуйста, биоэтику читают специалисты в области философии?

Ю.Х.: В основном, да.

В.Х.: А кто ещё может читать такой курс?

Ю.Х.: Ну, специально их готовят – Седова и другие – но, опять же, на философских кафедрах.

Вот сейчас я получил три штатных единицы (на кафедру): мы берём одну девушку биолога, доктора биологических наук; у меня есть кандидат медицинских наук. Биоэтику читают у нас все. Не можешь читать «био» (некоторые говорят: ну, не лежит душа), тогда читай «этику», а «био» – мы на подхвате.

Но, как я говорил (в Министерстве находятся документы), мы должны преподавать курс, который называется: «Философия. Биоэтика», 160 часов. И программы уже

разработаны. Однако пока затормозили. Поэтому с нового года мы будем ещё преподавать философию – отдельно, биоэтику – отдельно.

В.Х.: Скажите, на каких курсах это будет преподаваться и почему?

Ю.Х.: Вот я упоминал, что у нас было когда-то на четвёртом-пятом-шестом; студенты говорили, что им это не надо. А сейчас мы преподаём на втором, как и везде практически... Почему – второй: им надо пройти философию, познакомиться с общим подходом, а биоэтика – уже предлагается как часть философии. Это будет прикладная дисциплина. Если философия – глобальная, фундаментальная выработка всеобщего подхода, то у биоэтики уже прикладной характер.

В.Х.: Прикладной характер биоэтики в медицинских вузах должен проявляться ещё и в наличии этических комитетов, которые отслеживают этическое качество выпускаемых работ будущих кандидатов и докторов наук. Есть у вас такой комитет?

Ю.Х.: Совершенно верно. Такой комитет есть при Министерстве, такой Совет есть при РАМНе¹⁵, Лопухин Юрий Михайлович¹⁶ его возглавляет. Это уже юридический аспект, не моральный. Эти комитеты есть во всех вузах. И поэтому каждый будущий кандидат, доктор наук должен получать его одобрение перед защитой. Это юридический комитет, где любая новация (а кандидатская диссертации и особенно – докторская, это – новация) требует соответствующей подписи. Насколько это делается профессионально – сказать трудно. Но цель такая: чтобы ничего «лишненького». Это с позиции: творчество остановить нельзя, оно всегда будет, но присмотреть за творчеством надо. Поэтому этические комитеты следят, особенно в сфере создания новых лекарств. Есть эти комитеты, везде есть; по крайней мере – должны быть. У нас – есть.

В.Х.: По поводу фармацевтики у меня дополнительный вопрос, связанный с этическими комитетами. Вы знаете, есть уже устойчивое мнение о том, что такие комитеты возникают ради «проталкивания» на рынок конкретного препарата, а, «протолкнув» его – бесследно исчезают. Так насколько это, извините, этично и профессионально?

Ю.Х.: Ну, тут я с чистой совестью могу сказать, что я об их деятельности ничего не знаю. Это юридический аспект. Могу предположить, что это может быть – но это уже из области коррупции. Я понимаю, что коррупция – это система, это взятки, это использование своего положения. Даже не служебного – любого: авторитет. А если у нас коррупция есть, она процветает – то такое может быть.

В.Х.: Юрий Михайлович, тогда продолжение вопроса: а не может быть коррупции на уровне оценки работ кандидатов и докторов?

Ю.Х.: Конечно, может быть.

В.Х.: Вы входите как заведующий кафедрой и преподаватель биоэтики в этический комитет вашего университета?

Ю.Х.: По идее я должен был бы входить в него, но я туда не вошёл. ...

В.Х.: Юрий Михайлович, я хочу вернуться к ещё одному важному в отношении биоэтики вопросу, который Вы уже мимоходом затрагивали. Это вопрос о религиозной позиции верующего человека и о трактовке им, если он – учёный, проблем биоэтики. Я не единожды сталкивалась с тем, что, например, на Конгрессы этнологов и антропологов России, где я руковожу обычно секцией медицинской антропологии и биоэтики, исследователи присылают работы, написанные с позиции православной этики в варианте церковного догмата: это нельзя и то нельзя, потому что «Господь так сказал». Я всякий раз даю заключение, что эта работа – богословская, но ни в коем случае не научный труд в области биоэтики.

Вы не раз повторили утверждение, что для биоэтики первична совесть. Могу согласиться: в мировоззренческом плане – да, но как в таком случае быть с наукой, которая должна всё же руководствоваться разумом? Можно ли отождествлять науку с мировоззрением, пусть даже философским? А тем более – с верой в Бога, которую кое-кто соотносит с совестью, хотя, думаю, Вы согласитесь со мной, что это совсем не одно и то же. Как быть, например, с воцерковленными учеными, проповедующими свои православные устремления с научной трибуны? Ведь не секрет, и Вы об этом уже упомянули – биоэтика преподаётся в таком варианте в некоторых вузах...

Ю.Х.: У меня на кафедре, хочу сказать, работает «матушка», настоящая; её «бабушка» – не буду называть его попом, он – священник. Оба они в своё время закончили Московский университет, философский факультет, то есть люди с хорошим светским образованием. Он – В Тарусе служит, а она – «матушка», мать шестерых детей. Верующая.

Есть у меня и притворноверующие – я им не верю...

Но – что такое «верить»? Это дело сугубо интимное! Ну, не надо это демонстрировать: ни президентам, ни мне... Я тоже верю, только не скажу – кому. Ну ладно – сознаюсь: жене верю. После семидесяти лет – верю свято. Ну, что ж теперь осуждать меня за это?

Но дело не в этом. Что иметь в виду под «верой» и «веровать»? Блюсти всё это – тяжело. Таких верующих – 2–3 %, как патриарх Кирилл говорит. А так-то – мы все верующие!

Учитывая то, что я человек – не верящий в легенды, то есть я не верю, что святая Дева Мария родила по эмансипации... Ну, не верю. И не только я. Был такой Тертулиан – это шестой век, нет, четвёртый даже – который говорил: «Верую, ибо абсурдно!» ...

В.Х.: Юрий Михайлович, ну, а как же преподают верующие курс «Биоэтика», как они увязывают реализм биоэтики с религиозными мифами, например, какие приняло их сознание, в которые они уверовали?

Ю.М.: Ну, ладно: как преподают. Итак: они (верующие) не имеют права вмешиваться в моё мировоззрение, и я не имею права вмешиваться в их мировоззрение. Это – интимно. Это – не плохо, не хорошо – это интимно. Надо – медики разберутся, но в это лезть не стоит. Поэтому у нас на кафедре есть верующие преподаватели, даже некоторые иногда крест носят (но – иногда, по случаю), «матушка» – не носит. Предмет наш – философия. Есть и марксисты у нас, и всякие... Но – есть предмет. Ты излагай его, а всё остальное – моё мнение, моя позиция. Программа – какая она есть, так и должна идти.

Я бы так сказал: у нас – среднеарифметическое. Мы биоэтику преподаём с материалистических, диалектико-материалистических позиций.

Ну, скажем так. Мы тут – «натворили». А теперь – мы должны идти к Богу. Не надо Бога бояться (хотя и говорят: «Побойся бога»). Нет! Он – идеал, он – свет, мы должны идти к нему. Разум есть? Есть. Но идти мы должны – с чистой совестью. «На свободу – с чистой совестью». На свободу! На свободе может быть только человек творческий, он и приспособливается (с одной стороны, как животное), и творит.

Поэтому у нас на кафедре – всё в рамках разумного. Никаких мы – ни религиозных, ни иных не даём текстов. А что касается второго меда, про который я сказал, там – ну уж очень Ирина Васильевна Силуянова верующая, фанатично верующая. Я был у неё оппонентом на защите диссертации. Мы много вместе работаем. Знаете, она очень удивляется, что я – неверующий, а я не очень удивляюсь, что она – верующая. По-моему, в какой-то степени – тут я в кавычках ставлю: она «калечит» сознание людей. Свобода выбора! Эта свобода выбора нам определена – Им! Для этого, правда, должен быть выбор. Но должна быть именно – свобода. Я за этот выбор несу ответственность. Поэтому – никаких навязываний. Тем более – в биоэтике. Бог сотворил, Природа сотворила... Я не за это в ответе. Я в ответе за то, что я вот в это творённое (пусть в микробиологии) лезу и творю то, в чём не уверен, что завтра это пойдёт на пользу человеку и природе.

В.Х.: Юрий Михайлович, но если существует программа – что же может себе позволить та же Ирина Васильевна Силуянова в обход программы?

Ю.Х.: Всё.

В.Х.: Всё?!

Ю.Х.: Всё. ... Вот я скажу о себе. Я – оптимист. Перевожу на русский язык: авантюрист.

В.Х.: Оригинально!

Ю.Х.: Нет, правильно. Одно время, когда я был председателем Координационного учебно-методического совета по гуманитарному образованию в вузах Минздрава России, все эти программы я утверждал на высшем этаже. Потом этот совет «умер» – своей естественной смертью...

В.Х.: Расскажите, пожалуйста, поподробнее о деятельности этого Совета.

Ю.Х.: Совет этот возник давным-давно, в советское время. Я двадцать лет возглавлял его. Туда входили ведущие вузы, а значит – кафедры всей страны. Мы собирали два раза в год всех заведующих, заинтересованных лиц – совещались по актуальным проблемам гуманитарных дисциплин. Собирали и в 90-е годы, учитывая, что в это время происходила даже не модификация, а ревизия философии, менялись программы...

Когда встал вопрос, как преподавать биоэтику, стали смотреть, какие программы существуют – а они везде разные. В советское время было просто: давалась программа общая для всех. Люфт был небольшой (или большой – всё зависело от местных товарищей), а потом от этого люфта ушли; стали давать рекомендации – люфт всё больше и больше расширялся. Сейчас реально – никаких Советов нет. Я сам – член Президиума Научно-методического совета Министерства образования и науки. Ну, мы там пытались что-то предложить – да никто не взял на себя ответственность подписать. Я подписал как эксперт, хотя был разработчиком программы. Запустили её просто в интернет. А теперь – каждый в интернете может посмотреть и сказать: «Нет, я это не возьму...» Я это называю – глубочайшая форма движения человеческой мысли – отсебятина! Раньше за это сажали, наказывали жёстко. Сегодня это есть анахронизм, анархизм и всё прочее.

В.Х.: И как же в итоге преподаётся дисциплина?

Ю.Х.: Сейчас глупейшая ситуация в образовании: студентов тестируют. Да вообще по философии нельзя тестировать: Вы – верующий, я – не верующий. Что первично? Закон Божий или закон человеческий? Что первично: бытие или суб-

станция? Студент меня спрашивает: как отвечать? А я не знаю, как отвечать... Я могу это объяснить, но я не могу ответить – мне надо галочку поставить!

И так со всем. А что мы там преподаём – это никого не интересует. Надоест начальству один преподаватель – кто-то другой будет что-то преподавать...

В.Х.: А если это надоест студентам? Если процентов 70 не захотят в предлагаемом варианте слушать биоэтику? Студенты что-то делают в такой ситуации?

Ю.Х.: Бунтуют. И у нас бунтуют. Вот, я говорил: преподавали на четвёртом-пятом курсе биоэтику – это не понравилось. На последних курсах поздно «капать на совесть», там надо уже учить, в какой руке скальпель держать. А о совести надо чуть пораньше говорить. Ну, они раз – другой – третий бунтанули: письма писали... Потом – не пришли на занятия. А дальше меня приглашает проректор и говорит: «Юрий Михайлович, вопрос стоит так: надо преподавать биоэтику!» А я же Вам сказал: я – оптимист. Я отвечаю: «Вас понял, завтра начнём».

Сделали программу, сделали книжки, – всё. Но у нас – свобода, мы всегда говорим: вы имеете право выбора. У нас все курсы коллективные. Хочешь у «матушки» слушать – иди к «матушке», не хочешь к «матушке» – иди ко мне или к другим. А изучаются – проблемы. Смотрите (показывает одну из своих книг): «От этики до биоэтики»¹⁷.

Ситуация сейчас такая: мне никто ничего не навязывает, но и с меня никто ничего не спрашивает. При социализме я жил, как-то сосуществовал с бумагами. Но теперь: главное, чтобы были бумаги...

В.Х.: Юрий Михайлович, мы пришли с Вами к грустному выводу. Получается, что каждый может читать курс биоэтики по своему усмотрению: верю я в Бога – буду излагать набор православных или ещё каких-то истин, не верю – свой курс создаю на основе собственных мировоззренческих установок и моральных принципов. И что же тогда такое «Биоэтика» в наших вузах и биоэтика в нашей стране? Кто ею может заниматься?

Ю.Х.: Такой совет есть в Патриархии – по биоэтике¹⁸.

В.Х.: Тогда получается, что биоэтику можно читать в любом обществе в нескольких вариантах. Что делать?

Ю.Х.: Что делать? В декабре будут выборы. И идти туда надо ногами, но – с головой.

В.Х.: А толку-то? Вы туда ходите до сих пор?

Ю.Х.: Да. Ещё как! Потому что врагом своим я считаю только одного человека – который не ходит на выборы.

... Сегодня мы «вляпались» (мы – все российские люди), «вляпались» в ситуацию, которая называется «системный кризис», он – глобальный. А в системе нарушить ничего нельзя. Он системный. Это, кстати, В.В. Путин недавно сказал. А он – человек неглупый. Знает, что говорит. Это он сказал, а дальше – не договорил. Не сказал, что из системного кризиса может быть только системный выход. А системный выход должен определяться простым словом, которое придумал в 1803 году врач де Траси¹⁹ и называется он – идеология. Это системно-теоретически выраженный интерес большой группы людей, вплоть до страны. Это не русская идея (хватит, уже была немецкая идея); но должна быть идеология. Под идеологией будет политика. А я буду исполнять её.

В.Х.: Юрий Михайлович, Вы в своём курсе в историческом ракурсе биоэтику читаете? Я возвращаюсь к своему вопросу о том, что ведь в каждом обществе это тоже будет специфично.

Ю.Х.: Конечно. Смотрите ту же книгу «От этики до биоэтики». Смотрите мой новый учебник «Биоэтика» – 2011-ый год, только что вышел.

Мы пришли к тому, что человечество оказалось в ситуации, невыгодной для себя. Поэтому сегодня выход только один: апелляция к Разуму и Совести специалистов!

В.Х.: Давайте обратимся к позиции простого человека в отношении к биоэтике. Вот Вы, излагая свой курс, говорите, что возможность аборта или эвтаназии может зависеть от каких-либо нравственных установок, например, а кто-то говорит: нет, аборт вообще невозможен – это грех. Сидит на лекции какой-нибудь простой студент-тувинец и думает: а о чём и зачем это они говорят?

Ю.Х.: Вы заметили, я кручусь всё время вокруг двух идей. Первая – Поттера. У него акцент на наведение мостов между естествознанием и гуманитарным знанием. Мы разорвали человека: вот это – его физическое тело, а вот это – Душа, Дух... Нет, человек – един. Вот часто говорят: в здоровом теле – здоровый дух. А греки-то говорили: «О Боги! Дайте моему здоровому телу здоровый дух!» Дайте!..

Поэтому мы преподаём две части. Мы говорим о необходимости единения, потому что – большой разрыв между этими двумя частями, особенно в медицине. Там люди очень консервативны в своём мировоззрении, за исключением некоторых отдельных – и то старых умов, типа Сеченова,²⁰ Пирогова²¹, ну вот у нас Давыдовский²² был, если слышали... У нас так считается: если медик – специалист, то к нему не лезь, у него своя прагматическая философия. То есть у нас большой разрыв медицины специальной и философии.

О чём идёт речь. Вот мы все сейчас на психологию уповаем. Психология и философия – они рядом, только воздействуют на два разных органа: у психологии чувство, у философии – разум. Они не существуют отдельно. Что даёт психология? Она – успокаивает. Когда человек вышел из себя (мало ли что случилось) она успокаивает: «Ты – человек, и ничто человеческое тебе не чуждо. Ну, вставай с колен!» А философия – напрягает. Она говорит: «Ты что? Ты ещё столько можешь, иди, ты должен быть, как минимум, человеком!» Они – вместе, а мы и это отрываем.

В.Х.: Однако в последние два десятилетия так много говорится об интеграции...

Ю.Х.: Говорится. Так вот у нас разрыв между естествознанием, «физиками» и гуманитариями, «лириками» – огромный! Только идёт разговор о сближении. Пока никакой связи нет, потому что те и другие должны идти навстречу друг другу: не только гуманитарии должны понимать, но любой физик должен понимать, что существует солнечная система, что она действует мне на мозги. От того, что там сейчас протуберанцы, Солнце ведёт себя неправильно – зависит и моё сознание, и моё поведение.

Мы должны думать о человеке. Физик должен думать о человеке, гуманитарий должен думать о человеке, медик... Вот это – Поттер: мост нужен! Иначе – «хана»!

У нас подход тот же, но... другой. Я уже много раз повторял: идея в том, чтобы разум ограничить в своём творчестве и апеллировать к совести. А апелляции к совести – это гуманные позиции. За что я не люблю верующих – они говорят: «Побойся Бога!» А Бога нельзя бояться. Бог – это Солнце, это – идеал! Это тот, кто всё знает и понимает! Я должен к нему стремиться, но не уходить от него, бояться я его не должен. Так вот наша точка зрения – совесть. Чтобы я потом не мучился – здесь или на том свете (если он есть), чтобы не мучила меня совесть, чтобы я не говорил: ах, я не так сделал! Помните, как мучился Сахаров²³? Да, он – гений, гений в области физики; но он – наивный ребёнок в области социальных и прочих отношений. Вот так в одном человеке соединяется то и другое. Наша задача – объединить!

В.Х.: Замечательно. Хочу рассказать Вам, что мы в науке стремимся именно к этому. С 1999 года у нас работает «Центр по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик», проводятся международные мероприятия разного уровня (от конгрессов до семинаров), работают два постоянно действующих семинара по изучению шаманизма и по медицинской антропологии, и всё это – в интердисциплинарном варианте. Между прочим, изначально такой подход – особенно на уровне встреч и прямых дискуссий разных специалистов, от физиков до фольклористов, – кое-кого не устраивал, но, в конце концов, многие согласились с

важностью этого общения и увидели плюсы сотрудничества самых разных ученых и практиков, работающих над одной проблемой.

Юрий Михайлович, вот ещё вопрос: ваш студент прослушал курс «Биоэтика» – и с чем он в итоге вышел после его прослушивания? Каков его набор познаний? Кстати, у вас сдают экзамен или зачёт по этому предмету?

Ю.Х.: Зачёт.

В.Х.: Что у студента должно отложиться в его сознании к этому зачёту?

Ю.Х.: Первое – ноги: он должен ходить; второе – он обречён слушать, и иногда Бог даёт ему – слышать (слушают – извне, слышат – себя; в биоэтике надо услышать себя). Это всё зависит от качества: преподавателя – студентов – нашей программы, нашей направленности. А мы всё время направляем на гуманизм, человечность: ничто человеческое не должно быть тебе чуждо. Всё! Вот это – квинтэссенция. Поэтому в самом зачёте важно понимание. Это – не экзамен, он (студент) может остаться при своём мнении, но главное затронуть в нём то, что в бумажке, которую мы цитировали, написано... Вот девушка прослушала курс (правда – мой), он уже заканчивается. Считайте, что это – её зачёт. Вы верите, что она пишет искренне?

В.Х.: Думаю, да.

Ю.Х.: Самое страшное, что есть в людской практике – лицемерие или цинизм. Когда это приобретается – человек потерян и для себя, и для общества. Поэтому наша задача не то что дать им комплекс знаний, а привлечь их внимание к вопросам, на которые ответа нет – ни у меня, ни у Вас, ни у него. Ну, клонирование, например: включай свой «компьютер» и ищи ответ. При этом – чтобы совесть допускала, а разум не «танцевал на костях»!

В.Х.: И ещё пара небольших вопросов, первый: деятельность наших медиков насколько регламентируется этическими комитетами? Насколько они несут ответственность за свои деяния (не только в области фармакологии)?

Второй вопрос. На Западе сейчас любая деятельность в области медицины очень жёстко регламентируется этическими комитетами. Получить разрешение на интервьюирование специалиста, например, по медицинской проблематике – серьёзная проблема, требующая разрешения. Насколько это хорошо? И что в этом плане представлено у нас?

Ю.Х.: На первый вопрос я не могу отвечать – надо у медиков спрашивать. Но мне кажется – кажется – никакой.

Второй вопрос: у них – и у нас; у нас больше свободы. Их биоэтика и наша биоэтика – это «две большие разницы». Мы в своей биоэтике обращаем внимание на... допустим, на научную честность (плагиат и прочее), но мы не требуем: ты не воруй – посадим! Наша биоэтика всё же больше опирается на мораль, на нравственность; а у них – на право. А раз на право, то у них всё регламентировано буквой закона. Вышла биоэтика из недр Запада – далее, Канада – прошла через Европу, но получила расцвет у нас. Как бы там ни было во втором меде, как бы ни было в Волгограде (да: мы все разнимся), но у нас есть – свобода. Главное: уважай человека!

Приведу ещё один момент из Канта. Он говорил: самое ужасное (не самое трудное, не самое опасное, а самое ужасное), когда человеческое поведение (поступки) подчиняется чужой воле. У человека есть разум и есть чувства. Ты хочешь, чтобы я совершил тот или иной поступок – убеди меня в том, что я это должен сделать, и я смогу сделать. Если у тебя не получается, у меня не хватает ума понять это – уговори меня: все мы имеем свои слабости – я соглашаюсь. Но! Решение принимаю я. Я принимаю решение, я свою волю направляю на поступок и – творю, делаю, создаю: я беру на себя всю полноту ответственности. Пока на меня кто-то давит, кто-то меня на что-то подвигает – у меня нет никакой ответственности. Велели – сделал, но не так. А я и не могу иначе – я «не Копенгаген»...

В.Х.: Замечательно! В таком случае давайте завершим наш разговор о биоэтике ещё одной цитатой из сочинения Вашей студентки, которая, по-моему, свидетельствует о том, что Ваш курс дал ей возможность понять то главное, что Вы хотели до студентов донести:

«Этические проблемы могут возникнуть совершенно у любого, и важно быть к этому готовым. Не получится дать универсального лоцмана для любой гавани мира, но представляется возможным научить чувствовать мели и камни на дне. Если заранее дать представление о возможных проблемах, они не застанут будущего врача врасплох...»

Примечания (составлены В.И. Харитоновой)

1. Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (см.: <http://www.mma.ru/>).
2. Михаил Романович Сапин – академик РАМН, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой анатомии человека (лечебный ф-т) ПМГМУ им. И.М. Сеченова.
3. Хундт Магнус (Hundt) – германский анатом (вт. пол. XV – начало XVI вв.), который впервые в истории науки употребил термин «антропология» для обозначения исследований биологических и анатомических свойств человека в опубликованном им труде «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека и

об элементах, частях и членах человеческого тела» (Лейпциг, 1501; «Anthropologium de hominis dignitate, natura et proprietatibus, de elementis, partibus et membris humani corporis»); в качестве иллюстраций автор использовал анатомические рисунки Леонардо да Винчи (1452–1519).

4. Галеаццо-Флавио Капелла (Capra, чаще Capella; 1487–1537) – итальянский писатель и исследователь. В 1533 г. в Венеции вышла его книга «Антропология, или рассуждение о человеческой природе» («Antropologia overo ragionamento della natura umana; laquale contiene e lodi e eccellenza degli uomini, la dignita delle donne; la miseria d'amendue e la vanità degli studj loro»). В этой работе термин «антропология», трактуемый в физиологическом ключе, впервые сопровождается данными об индивидуальных вариациях тела человека, его индивидуальной изменчивости.

5. Кафедра биомедицинской этики РГМУ (лечебный ф-т), заведующая – д.филол.н., профессор И.В. Силуянова (см.: http://rsmu.ru/lf_cbme.html).

6. Российский государственный медицинский университет им. Н.И. Пирогова (см.: <http://rsmu.ru/>).

7. Кафедра философии, биомедицинской этики и гуманитарных наук, заведующий – д.филол.н., профессор В.И. Моисеев (см.: www.philosophy-msmsu.narod.ru).

8. Московский государственный медико-стоматологический университет (см.: <http://www.msmsu.ru/>).

9. Кафедра философии и политологии (лечебный ф-т), заведующий с 1990 г. профессор, доктор философских наук Ю.М. Хрусталёв. (См.: <http://lech.mma.ru/faculties/lech/cath/philos>)

10. Викентий Викентьевич Вересаев (псевдоним; подлинная фамилия – Смидович; 1867–1945) – врач и известный русский советский писатель, Лауреат Сталинской премии первой степени. Автор многочисленных повестей и рассказов, в том числе произведения на медицинские темы «Записки врача» (1900).

11. Вересаев В.В. По поводу «Записок врача» // Собр. Соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1985. С. 359.

12. Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) – советский и российский учёный в области механики и прикладной математики, академик Академии наук СССР (РАН), президент Международного независимого эколого-политологического университета и др., гл. редактор журнала «Экология и жизнь» (см.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>).

13. Ван Ранселер Поттер (1911–2001) – известный американский ученый и гуманист. Окончил биологический факультет (по специальности биохимия) Университета в Южной Дакоте (г. Брукингс), а затем – магистратуру в Висконсинском университете (г. Мадисон). После получения докторской степени проводил научные исследования в Стокгольмском институте биохимии, в Шеффилдском университе-

те вместе с проф. Х.А. Кребсом, а затем в Чикагском университете; многие годы работал в Висконсинском университете. Автор более чем 350 работ в области биохимии и исследований рака и 50 статей и книг по биоэтике. Основные книги: «Ферменты, рост клеток и рак» (1950), «Биоэтика – мост в будущее» (1971), «Структурная модель ДНК» (1959), «Ресурсы и решения» (в соавторстве) (1974), «Очерки о нуклеиновой кислоте» (1960), «Глобальная биоэтика» (1988). Термин «биоэтика» употребил в книге «Биоэтика – мост в будущее» (см.: <http://biospase.nw.ru>). Этот термин был введен В.Р. Поттером в 1969 году для обозначения этических проблем, связанных с потенциальной опасностью для выживания человечества в современном мире. Первое упоминание термина в медицинском журнале относят к 1971 году.

14. Михаил Яковлевич Яровинский (1937–2007) – профессор кафедры истории медицины и культурологии, зав. курсом медицинской этики (биоэтики) ММА им. И.М. Сеченова (ныне – ПМГМУ им. И.М. Сеченова). В 1974 г. М.Я. Яровинский организовал в Ташкенте один из первых в стране курсов медицинской этики и деонтологии, в 1991 г. он создал курс клинической и экологической биоэтики при кафедре истории медицины и культурологии ММА им. И.М. Сеченова, которым руководил до последних дней жизни. Лекции по курсу «Медицинская этика (биоэтика)» выдержали три издания. На их основе издан учебник для медицинских вузов (М.: Медицина, 2006), подготовлен «Практикум», содержащий более 500 ситуационных задач с комментариями. Автор книг «Здравоохранение Москвы» (1986), «Века Москвы медицинской» (1997), «Медицинская этика (биоэтика)» (2006). См. о нём: <http://www.mma.ru/person/id3038>

15. Первым в 1993 г. был сформирован Национальный комитет по биоэтике Российской академии наук, затем комитеты при Президиуме РАМН, при Российской медицинской ассоциации, при Ассоциации врачей, а также при Минздраве РФ. В мировой практике работают комитеты по биоэтике в Совете Европы, ВОЗ, в том числе в Европейском регионе, в ЮНЕСКО, в ООН.

16. Юрий Михайлович Лопухин – академик РАМН, д.м.н., профессор; заведующий кафедрами оперативной хирургии, экспериментальной хирургии, ректор (1965–1984) Второго Московского медицинского института им. Н.И. Пирогова. В 1984 г. создал и возглавил НИИ физико-химической медицины МЗ и СР РФ. Основатель, первый и бессменный председатель комитетов по биомедицинской этике МЗ и СР РФ и РАМН. Под его руководством проведена международная конференция «Актуальные проблемы биоэтики в России» совместно с Руководящим комитетом по биоэтике совета Европы. Автор нескольких учебников, в том числе «Медицинская этика» (2004; под ред. Ю.М. Лопухина и Б.Г. Юдина), учебных пособий, а также сборников статей и монографий, в том числе «Биоэтика. Избранные статьи и доклады» (2003), «Этико-правовые аспекты клонирования» (2002), «Биомедицинская этика» (колл. монография в 3-х т., совместно с В.И. Покровским); см. о нём: http://ap.sibtechcenter.ru/ap_person.tal

17. Хрусталёв Ю.М. От этики до биоэтики. Учебник для вузов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 446 С.

18. Церковно-общественный совет по биоэтике при Московской Патриархии (см.: <http://bioethics.orthodoxy.ru/>).
19. Дестют Де Траси, Антуан Луи Клод (1754–1836) – известный французский философ, политик и экономист. С 1808 г. – член французской Академии. Дестют де Траси был последним видным представителем сенсуалистической школы. Его внимание было сосредоточено не на физиологии, а на психологии, или – в терминах самого Дестюта де Траси – на идеологии человека. Согласно его взглядам, идеология есть наука о том, как сознание производит идеи из ощущений. Помимо ощущений, источником идей выступает память, способность к суждению, и воля. Основы науки об идеях французский философ изложил в своем труде «Элементы идеологии» (1801).
20. Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) – выдающийся русский физиолог и мыслитель-материалист, создатель физиологической школы; заслуженный ординарный профессор, член-корр. по биологическому разряду (1869–1904) и почетный член (1904) Императорской Академии наук. См. о нём: http://www.biografii.ru/biogr_dop/sechenov_i_m/sechenov_i_m.php
21. Николай Иванович Пирогов (1810–1881) – выдающийся русский учёный, врач, педагог и общественный деятель, член-корреспондент Императорской Академии наук (1847). Участник обороны Севастополя (1855). Пирогов – один из основоположников хирургии как научной медицинской дисциплины. Он подчёркивал огромное значение профилактики в медицине, говорил, что «будущее принадлежит медицине предохранительной». См. о нём: <http://www.medicinform.net/history/ludi/pirogov.htm>
22. Ипполит Васильевич Давыдовский (1887–1968) – советский патологоанатом, один из организаторов патологоанатомической службы в стране. Герой социалистического труда (1957). В 1944 году избран академиком Академии медицинских наук СССР, был её вице-президентом (1946–1950 и 1957–1960) и членом президиума. С 1955 года – редактор журнала «Архив патологии». С 1965 года почётный председатель Всесоюзного общества патологоанатомов. Разрабатывал проблемы инфекционных болезней, патогенеза, сепсиса, боевой травмы и раневых осложнений, атеросклероза и в конце жизни – геронтологии. Подготовил 13 докторов наук и 38 кандидатов, более сотни врачей. См. о нём: <http://www.livelib.ru/author/302966>
23. Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) – советский физик, один из создателей водородной бомбы. Академик Академии наук СССР; известный политический деятель, диссидент и правозащитник. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год. См. о нём: <http://www.sakharov-center.ru/sakharov/>